

НАЧАЛО

Начиналось это все давно, но особого внимания никто не обращал. В начале 80-х наркоманов в городе было человек 30. Все друг друга знали. Ездили за маком, «подрезались», варили кукнар. Выкупали лекарства по поддельным рецептам, запутывали медсестер, воровали из больниц. Умудрялись даже, переодевшись в белые халаты (верх цинизма), собирать остатки неизрасходованного морфина у родственников только что умерших раковых больных. Покупали мак стаканами у цыган на Уктусе, в Пышме и в Большом Истоке. Собирались на притоне у Толика Дулевича. Варили ханку, там же кололись.

Года с 86-го начала торговать шалой Танька Морозовская и ее муж цыган Чухманя. Через несколько лет они стали торговать опиумом. Чухманя ходил по поселку в плисовых шароварах и с маузером на боку. Милиционеры его уважали и побаивались. На месте развалюхи на Тельмана, 48, Чухманя с Танькой стал строить огромный особняк, что-то среднее между пагодой и готическим собором. Все цыгане ему завидовали. Насмотревшись на этого пса, в 89-м стали торговать несколько братьев крымских цыган Оглы, которые жили тогда на Циолковского, 8. Потом цыгане постреляли друг друга, но первые опиумные войны прошли незамеченными. В начале 90-х цыгане торговали в Пышме, в Арамиле, в Березовском и во всех цыганских поселках города. Но надо знать цыган. Никогда они не начнут торговать из дома в открытую, пока не договорятся с милицией.

Таджиков еще не было. Они появились позже и жили почти в каждой цыганской семье на положении рабов. Самостоятельными они стали потом. Поднялись такие фигуры, как Гайрат из «Трансагентства», залезший с этой темой к «афганцам», Абдулла Шарипов, Хамза, Исмадулло и, наконец, подполковник, а тогда еще капитан милиции Даврон Хусенов... Чуть раньше появились разные Кирсановы* и Ивановы**. Салимовы и кашаевы утвердятся уже позднее, когда появится героин.

Все происходило постепенно. Катастрофа надвигалась. Но тогда еще никто ничего не понимал...

В середине 90-х у моих друзей стали умирать дети. Причем 15-16-летнего возраста. Убитые горем родители все скрывали. Говорили: «Умер во сне», или «Остановилось сердце», или «Задохнулся в гараже». Боялись и стеснялись говорить правду. Но люди все понимали, потому что в те годы уже у очень многих дети стали наркоманами. Те, что были побогаче, отправляли детей в Испанию, в Эмираты, возили к Назаралиеву, платили сумасшедшие деньги, но ничего не помогало. Те, у кого денег не было, просто опускали руки. Помощи ждать было неоткуда. У меня товарищ есть - солидный мужик, директор завода. Многие его знают. У него в 1999 году из четверых детей... наркоманами были трое! Он даже понять не успел, как это произошло.

На Уралмаше в начале лета 1998 года в одном из дворов на ул. Индустрии появился цыганенок. Только началась лавка. Местные пацаны, человек двенадцать, собрались на лавочке во дворе. Цыганенок к этим пацанам и подвалил. «Че сидим как лохи?» - «А че делать-то?» - «Давай пыхнем». - «Как пыхнем?» - «Как? Забьем и пыхнем!» - «А где взять-то?» - «Да у меня есть, угостили. Поделюсь». Забили, пыхнули - прикольно.

На следующий день то же самое. На третий день цыганенок озадаченный появился. Пустой. «Черт, барыга сказал - без денег больше не даст». - «Ну какие проблемы?» Пацаны пошарились по карманам, сбегали домой, скинулись, цыганенок сгонял - забили, пыхнули. И так всю неделю.

И вдруг цыганенок пропал. Во дворе тоска. Чего-то не хватает. Появляется через неделю. «Пацаны, че у меня есть!» - «Че, забьем?» - «Да какой там забьем! У меня в 100 раз круче!»

Белый - попробовать дали!» - «А че с ним делать-то?» - «Че, нюхать!» Нюхнули. Кто кай-фанул, кто переблевался.

Назавтра появился снова. Кто с первого раза кайфанул - те потянулись. А которые переблевались - решили повторить, понять, с чего те кайфанули. Может не распробовали?

* Кирсанов работал в УВД города, потом в ОБНОН. Когда-то был честным. Потом задружился с Морозовской и другими. Был умнее многих. Когда мы начинали в 1999 году, подняли шум и обозначили его как одного из коррумпированных. Кирсанов быстро свалил в Москву и сейчас делает карьеру. А вот его другу генералу Васе Руденко - рушайловскому недобитку повезло меньше. В Москве его быстро раскусили и карьеру ему обломали.

** Миша Иванов - сотрудник УВД города, приехал из Белоруссии зарабатывать деньги. Быстро понял, что происходит, подружился со всеми цыганами, участвовал в процессе. Не вылезал из цыганского поселка, составлял нешуточную конкуренцию Кирсанову. Человек тупой и ограниченный.

Через день цыганенок принес уже за деньги. Ну, опять, кто где нашкулял, кто у родителей подтырил. Деньги собрали. У одного денег не было, но цыганенок добрый - плеер взял. Плеер, кстати, не самого пацана, а сестры его младшей. Поездил так месяцок, а потом исчез.

Солнце зашло. Жизнь кончилась. Весь двор гудит, все ищут, где взять. Нашелся один продвинутый, разыскал цыганенка, собирал деньги, брал у него оптом, привозил во двор. Как ни вечер - все обнюханные. Наконец дошло, что колоть - дешевле. И началось.

Кончилось лето. Мявкнуть не успели - полдвора наркоманов. Никто даже ничего не понял. Потащили у родителей. Трещали соседские квартиры. Вскрывали машины. Далеко не ходили, все вокруг двора. С осени - в школу, кто в 72-ю, кто в 100-ю. Кто-то в училище 82-е, кто-то в техникум. Понесли культуру в массы. А цыганенок перебрался во дворы на Избирателей. Вы, наверное, спросите, где была милиция? - Вот бы знать-то! (Об этом дворе можно написать целый детектив со стрельбой, погонями, убийствами, самоубийствами, предательствами, крушением надежд и несчастной любовью. Только это будет книга с очень плохим концом.)

В начале лета 2000 года, когда открылись перевалы, в городе действовала еще более жесткая схема: несколько подлых таджиков ездили по Уралмашу, Эльмашу и давали наркоманам героин на реализацию по 100 - 200 граммов. Денег не требовали. А какая реализация? Наркоману попал в руки героин - он его и проколол. А таджикам того и надо. Потом ездили по дворам таджикские бригады, вышибали деньги. Сколько было квартир тогда проколото! Сколько машин отправлено в Таджикистан! Этим умников удалось остановить дедовским способом. Уралмашевцам спасибо.

Мало того, наркоманами становились взрослые люди. На дискотеках в «Каньоне», «Эльдорадо», «Юле»* экстази торговали почти в открытую. В чил-аутах свободно курили. И нюхали кокаин. У модных девич швыркать носом было признаком хорошего тона. Постоянно велись разговоры: дувощики - продвинутый бомонд, хвастались, кто сколько денег потратил на наркотики и кто сколько отдал за лечение. Все было в порядке вещей.

Появилась мода. Моду переняли в заведениях попроще. Из «Люка»* после дискотек шприцы выметали метлой. У подростков и в школах появился слоган: «Кто не колется - тот лох». Те, кто уже замазались, старались затащить нормальных людей.

Нам привезли маленького подонка из Кольцово. Каждый день в школе он продавал грамм по фитюлям (0,1 г). За каждый проданный грамм получал фитюлю. То есть, чтобы самому колоться, он снабжал еще десятерых. Это только один конкретный случай. Но все дети цыган-наркоторговцев распространяли в своих школах героин. И Кольчапа посадил всех своих одноклассников на Вторчермете, и петьрини племянники Базылевы снабжали всю школу на юго-западе, и многочисленные Оглы, Бардиновы, Морозовские.

У нас на фирме были два толковых парня. Они уже заработали какие-то деньги. Один мерзавец целый месяц уговаривал их попробовать кокаин. Уговорил. Сначала они кокаин нюхали. Потом стали мешать с героином. Потом стали нюхать героин. Потом стали колоть. Сгорели прямо на глазах. Алексей погиб, Игорь Сухов превратился в ребенка, но перед этим успел посадить своего одноклассника Мишку Керна. На все ушло полгода. Самому мерзавцу, кстати, хоть бы фиг. Он бросил.

У меня в подъезде на Уралмаше, где я живу, происходило что-то страшное. На третьем этаже мой сосед Игорь торговал героином. По лестницам невозможно было пройти: сидели и лежали какие-то невменяемые ублюдки. Все пространство между оконными рамами было завалено шприцами с кровью. Они покупали у Игоря на третьем, а кололись на втором и на четвертом. Машину нельзя было оставить даже на 5 минут - разбивали стекла, вытаскивали колонки, аппаратуру. Я ловил их, вышвыривал из подъезда, предупреждал Игоря. На день-два затихало, потом начиналось снова.

Я устал их бить. Я был в растерянности. Я не понимал, как с этим бороться. Тогда я даже не представлял, что это такое...

К 99-му году наркотиками торговали по всему городу в открытую, ничего не боясь. В школах из туалетов выносили шприцы. В таких районах, как Пехотинцев и Заречный, половина пацанов были наркоманами. Цыгане ставили лошадям золотые зубы и строили особняки. Если кто-то из наркоторговцев попадал в тюрьму - это считалось событием. Все, кто жил в те годы в Екатеринбурге, помнят, что творилось в городе.

Менты рассказывали сказки, что с наркоторговлей бороться невозможно. Мол, весь мир борется, и все бесполезно. Врачи рассказывали, что наркоманию лечить бесполезно, что бывших наркоманов не бывает (однако не стеснялись при этом брать деньги за лечение).

* А вот дискотеку «Люк», редкостную клоаку, мы показали по телевизору и сказали, что там торгуют наркотиками. Так владельцы помещения, милицейский фонд «Правопорядок», который возглавлял бывший начальник ОБЭП ГУВД области Ралдугин, подали на нас в суд. Судья попалась честная, и суд менты проиграли. Но дискотеку закрыть не дали. Там так и продолжали торговать наркотиками. Клубом этим руководили родственники Ралдугина - сын и зять.

* Мы узнали, что в «Юле» торгуют наркотиками. «Юла» принадлежала уралмашевцам. Я нашел Хабарова. Хабаров позвонил Игорю Новожилову. Спросил: «Юла» наша? Игорь говорит: «Наша». Хабаров говорит: «Закрываем». И закрыли, даже разбираться не стали.

Сейчас я уже не понимаю, как мы, жители города, все это терпели...

У нас на Толмачева, 11, где «Ювелирный дом», каждый день наркологи вскрывали по несколько машин, выдергивали колонки, магнитофоны, хотя парковка была охраняемая. В большинстве случаев охране удавалось этих подонков отловить. У них отнимали награбленное, естественно, били. Милиция их не принимала. В конце концов, им просто пинали под зад и выпускали. Потом они попадались снова. Мне их было жалко.

Однажды мы с Вадимом Чуркиным в «Монетке» встретили Дюшу. Я ему рассказал про этих наркоманов и добавил: «Больные люди!» - «Что?! Это ты мне говоришь?! Я колосся 11 лет, и про наркотики я знаю все. Наркоман - это такая скотина... Ни хрена себе болезнь нашли... Воровать, грабить, убивать, друзей предавать, родителей в гроб загонять, а самому кайфовать? Да где ж это видана, такая болезнь?!» - «Дюша, короче, что ты предлагаешь?» - «Не знаю, - говорит он, - так жить нельзя. Надо что-то делать». Я и сам понимал, что надо что-то делать, но что - не знал.

Дюша разговаривал не только со мной. Он пытался растолкать всех. Встретился с Хабаровым. Разговаривали полтора часа. Хабаров сказал: «Если вы начнете - мы вас поддержим». Это было уже что-то. Но плана никакого не было.

Я познакомил Дюшу с Андреем Санниковым - автором программы «Земля Санникова». С Андреем мы учились в университете на истфаке и писали стихи. Санников утверждает, что замечательные. Потом мы занимались спасением Шуралинского детдома. И не раз еще работали вместе. И Дюша и Андрей - оба люди православные, легко подружились и стали готовить большую правдивую передачу про наркотики.

Через некоторое время в ресторане «Каменный мост» состоялся банкет. (В июле у этого ресторана мы с Дюшей встретим Игоря Варова и он примкнет к нам.) Повод для банкета был вот какой. Епископом у нас в Екатеринбургской епархии был Никон (Мионов), человек безнравственный, развращенный до крайности и, попросту, неверующий. Летом 1999 года Никона лишили кафедры и отправили на покаяние. Произошло это во многом благодаря журналистам, которые жестко весь этот скандал отражали и комментировали. Был создан прецедент, когда простые люди, опираясь на средства массовой информации, смогли противостоять властям.

На банкете собрался весь цвет екатеринбургской журналистики: Тимур Иванов, умный Женя Енин и язвительный Стас Белов («4 канал»). На крыльях любви прилетела Кася Попова («ТАУ»). Пришла строгая Оксана Куваева («АТН») почему-то с сопровождающим. Приехали Саша Орлов и Света Лин («41 канал»). Присутствовал серьезный Андрей Санников («10 канал»). Появилась даже Таня Солодянкина.

Всего было человек 20. Держались скованно. Потом все выпили. Потом выпили еще. Многие вместе учились в университете. Кто-то вместе начинал работать. В общем, оказалось, что все мы друзья, любим наш город, уважаем друг друга и делить нам нечего. Я тоже выпил и сказал речь. «Друзья! Общими усилиями нам удалось избавить город от одного подонка. Давайте решим, что мы еще можем сделать для нашего города. Предлагаю 2 темы: фашисты и наркотики». - «Нет-нет, - закричали журналисты, - фашистов трогать нельзя. Если их не трогать, они сами сдохнут. Давайте ударим по наркотикам!» - «Все, - говорю, - состоялось». За это и выпили.

В общем, утром все все забыли. Но я-то не забыл. Звоню Енину. «Женя, привет! Это Женя». - «Привет, Женя!» - говорит Женя. «Есть, - говорю, - тема. Мой товарищ 11 лет был наркоманом, но он бросил. Бросил сам. Мало того, помог еще человекам десяти. Он готов об этом рассказать». - «Здорово! - говорит Енин. - Давай я его в «Стенд» приглашу». - «Все, - говорю, - приглашай! Только мне с ним самим надо договориться».

Дюшу уговаривать не пришлось. «Какие тайны? Весь город знает. Все расскажу, как есть».

Это было в августе 1999 года. Дюша одел цветную гавайскую рубашку и отправился в «Стенд».

С этого все и началось.

Женя Енин всегда вел себя порядочно. Когда мог, помогал. Когда не мог, честно говорил - почему. Такую же позицию заняла Наташа Минц. Ей было очень непросто. Работала она на «41 канале».

Когда мы уже заявили, Кася Попова привела меня к Шеремету. Он, как и мы с Санниковым, учился в университете и жил даже в одной комнате в общежитии с Валерой Горелых, нынешним начальником пресс-службы ГУВД. С Иннокентием мы долго разговаривали. Он внимательно слушал, думал, спрашивал. А потом сказал просто: «Я с вами». И это было действительно так. Все эти годы в самых тяжелых ситуациях он всегда был с нами. Не хитрил, не лукавил, не отъезжал. Он просто был один из нас. Мы делали свою часть работы, он делал свою. Мы делали общее дело. Мы уважаем Шеремета. Мы уважаем Влада Некрасова и всех ребят и девчонок. А «ТАУ» - любим*.

* ТАУ - Телевизионное Агентство Урала. У нас на многих спортивных машинах ездит яркая наклейка «Я уважаю ТАУ».

Потом я встречался с Игорем Мишиным. В отличие от Шеремета, Игорь человек очень взвешенный. Если его спрашивают: «Который час?», он отвечает: «Я должен подумать». Он тоже нас поддержал. А там, где он не мог открыто выступить на нашей стороне, он хотя бы ни разу не сказал о нас ни одного плохого слова. За что мы Игорю и «Четверке» очень благодарны. Ребята с «Областного телевидения» нам тоже всегда помогали. Все порядочные журналисты всегда старались нам помочь, где бы они ни работали.

К тому времени, когда Дюша пошел в «Стенд», они с Андреем уже две недели готовили «Землю Санникова».

И вот Дюша нам говорит: «Поехали. Я покажу вам, что такое наркоторговля». Приезжаем в цыганский поселок. Теплый летний вечер. СЛУШАЙТЕ ВНИМАТЕЛЬНО. Я РАССКАЗЫВАЮ ВАМ ТО, ЧТО ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ. Напротив Тельмана, 12, стоит милицейский уазик. На капоте порезанный ананас и открытая бутылка шампанского. Пэпээсники рядом. Один выворачивает карманы у какого-то нарка, двое других повели какую-то наркоманку в гаражи. На веранде накрытый стол. За столом Коля Резаный, Махмуд и офицеры-менты. Повар-таджик жарит им шашлыки. На улице сидит толстая цыганка. Торгует прямо с лотка. Возле нее постоянно несколько наркоманов. Покупают - и отходят. Рядом расстелен большой ковер. На ковре - хрустальные вазы, норковые формовки, какие-то магнитофоны. Скупка краденого. У колонки «отъезжает» какая-то девка. У нее передоз. Всем пофиг. Постоянное движение, и сотни, сотни, сотни наркоманов.

Мы остановились. Ни цыгане, ни менты не обратили на нас внимания. Тогда они нас еще не боялись. «Поехали отсюда», - говорю. Дюша говорит нам: «Ну что, поняли, что это такое?» Санников тихим голосом отвечает: «Я не верю. Я не понимаю». А я молчал. У меня просто побелело в голове. Представляете, **ЭТО - МОЙ ГОРОД. И ЕСЛИ ЭТО ВОЗМОЖНО В МОЕМ ГОРОДЕ, ТО КТО ТОГДА Я ТАКОЙ?**

После того, что увидели, остановиться мы уже не могли.

Через несколько дней Санников, просидев сутки на чердаке строящегося дома, подснял, как менты приезжают на Тельмана, 12, за деньгами. Деньги выносила Лена Коляска (которая уделалась во время задержания, когда мы через 3 года по ней сработали). Конечно, Санников эти кадры тут же поставил в эфир. У ментов был шок. Как вы думаете они отреагировали? Они сказали: «...да это актеры переодетые!» Ну-ну. А машины ментовские мы напрокат взяли. А цыган пригласили из театра «Ромэн»...

Через некоторое время к нам приехала диковатая комсомолка из «Комсомолки» Ульяна Скойбеда и говорит: «Вы все неправильно сделали. Вы поторопились. Вам надо было накопить эти съемки, выждать время и дать их в эфир». Наверное, с точки зрения журналиста так и надо было поступить, но по-человечески так не годится. Когда горит дом, у некоторых журналистов задача найти нужный ракурс, красиво подснять и интересно рассказать. А по-человечески надо не думая тушить огонь и всеми способами спасать людей. Ульяна этой разницы так и не поняла. (Мы встречали и других журналистов. Когда доходит до дела, они забывают все и бросаются на помощь.)

Конечно, не публикуя, это можно было снимать еще несколько лет. Тогда никто никого не боялся. Цыгане торговали в открытую. Офицеры всех служб, не стесняясь, едили за деньгами к Маме Розе, к Таньке Морозовской. Пэпээсники в открытую получали ежедневно с каждой точки по 300 рублей. Пешие менты, которых наркоманы презрительно называли «чупа-чупсами», собирали с точки по соточке. И не стесняясь, дербанили наркоманов: забирали у них героин и уже как свой отдавали цыганам на продажу. Кстати, когда цыгане по какой-то причине не торговали, наркоманы покупали героин в поселке у ментов. Мы могли снять целое кино. Просто увидев это своими глазами, молчать было уже невозможно.

Во время наркокатастрофы начальником УВД города был Овчинников. Начальником криминальной милиции Ленинского района был его родственник, ныне генерал Филиппов. Вся торговля в цыганском поселке Ленинского района процветала на его глазах. Считаю, что оба должны нести персональную ответственность.

И Санников подготовил передачу «Наркотеррор». В городе только об этом и говорили. Через 2 недели Санников снова вышел в прямой эфир с материалами журналистского расследования и кадрами скрытой съемки и предложил жителям города звонить прямо сейчас. Обвал звонков. Звонки звучали прямо в прямом эфире. Жители рассказывали такое, что волосы вставали дыбом.

Мне стало не по себе. Просто страшно. Я выключил телевизор. Звонит телефон. В трубку кричат: «Женя, это Хабаров говорит. Женя, что они делают?! Они сошли с ума. Их убьют! Скажи Дюше - я с вами. Пусть называет меня. Пусть называет всех нас. Нас убьют!». Я говорю: «Александр. Вот телефон: 49-59-63. Они оба в студии. Позвони - скажи. Им будет полегче». Хабаров дозвонился.

Звонки шли до 3 часов ночи. Решили сделать экстренный выпуск.

На следующий день телекомпания вышла в эфир на полчаса раньше.

Побледневший Дюша, глядя прямо в камеру, сказал: «Мы объявляем войну наркоторговцам...», и добавил: «Мы - это жители города», и назвал священников Православной церкви, уралмашевцев, известных спортсменов и нас всех. Война была объявлена.

У уралмашевцев сразу же возникли проблемы. Хабарова куда-то вызывали, чем-то угрожали, уговаривали, взывали к благоразумию, но он никогда на эту тему не распространялся.

Когда прозвучали уралмашевские фамилии, менты обрадовались, бросились во все СМИ и уверенно обозначили: «Это Уралмаш. Бандиты вздумали с наркотиками бороться», и несколько лет носились с этой темой, как с писаной торбой. Хотели опорочить Фонд. Дескать, Фонд с Уралмашем. В результате оказали Уралмашу неоценимую услугу - теперь вся страна знает, что Уралмаш борется с наркотиками. А Фонду оказали еще более ценную услугу помогли создать грозное имя. Теперь наркоторговцы по всей России уверены, что за Фондом стоит Уралмаш.

А потом, уже в сентябре, было знаменитое «стояние в цыганском поселке». Мы собрались в подвале у Варова. Было нас человек 20. Какие-то медики, предприниматели, Миша Чурбанов - из молодежного «Единства», Толя Велик, известный спортсмен Юра Бекишев, ребята из бизнес-клуба. Юра Крюченков, тренер Александр Оберюхтин, т. е. самые разные люди. Из уралмашевцев - только Хабаров. Он и предложил провести митинг в цыганском поселке: в самом логове на пересечении улиц Печатников, Тельмана и Военного Флота. Времени было 14:00. Договорились на следующий день на 12:00. Все поехали собирать людей.

На следующий день в цыганском поселке нас было человек 50. А уралмашевцев - 500. Одни мужики. Постояли, помолчали. Цыгане были в ужасе. Почти все СМИ объявили, что акция - уралмашевская, хотя на самом деле она была общая.

Умный Дима Карасюк заметил: «Самые большие дивиденды нам принесли две совершенно спонтанные акции». (Дима – человек циничный. Он не мог сказать «сделали от чистого сердца» и нашел слово «спонтанные».) Я говорю: «Какие?» - «Ну, первая, что начали всерьез с наркотиками бороться, а вторая, когда Алексеич с Викторovichем к метростроевцам в шахту спустились - деньги привезли. Представляешь, сидим мы в офисе, привозят деньги с какого-то рынка - целый мешок, а в это время по телевизору показывают забастовку: людям деньги не платят - они из шахты не выходят. Парни посмотрели друг на друга, взяли мешок, поехали и отдали»*.

Сразу же после этого я позвонил полковнику ФСБ Рахманову. «Сергей Анатольевич, - говорю, - поехали посмотрим, что в поселке происходит». Едем по Шаумяна. Начиная от Чкалова в сторону Амундсена идет поток молодых людей. Толпа у 11-го дома на Шаумяна. Стоят и сидят на корточках у телефонной будки на углу. Запружены улицы Печатников, Военного Флота, Тельмана, Любы Расковой. Народу - как на демонстрации. Чуть пореже толпа в районе гаражей на Волгоградской. (В этих гаражах каждую весну находили оттаявшие трупы.) Многие рассредоточились напротив - у больших домов через улицу. «Что это?» - спросил побледневший Сергей Анатольевич. «Да ничего, просто цыган напугали, и они с утра не торгуют. А нарки все прибывают». Мы сделали два круга по поселку. Прокатились по Транзитному, по Амурской, по Автономных Республик. Везде та же картина. Полная тишина и толпы, толпы, толпы наркоманов. Броуновское движение. Все ждут, когда начнут торговать. Рахманов был просто белого цвета. Да и я, наверное, не лучше. Мы как будто на другой планете побывали.

14 октября мы, уже без уралмашевцев, собрались и на 20 машинах объехали особо непонятливых цыган и предупредили: «Если кто продаст еще хоть грамм - пусть не обижаются». Цыгане, естественно, обижаются до сих пор.

С 2000 года уралмашевские в непосредственной работе не присутствовали. Однако очень жестко контролировали свои ряды, а в нашей работе участвовали брендом. Но если бы нам потребовалась помощь и мы бы к ним обратились, они всегда бы включились.

Конечно, уралмашевцы заработали серьезный политический капитал на борьбе с наркотиками и в дальнейшем его использовали. Иногда деликатно, иногда не очень. Но это их капитал. Они его заработали. И это их право, на что его потратить. А с другой стороны, они-то ведь полезли и заработали. А другим-то кто мешал? Мы ко всем обращались. Что, никто не видел, что дети гибнут, во что город превращается?

Уралмашевцы начинали с нами и поддержали нас в самое тяжелое время. Я думаю, что во многом благодаря им мы остались живы.

Один ехидный журналист (Андрей Кирисенко, «Взгляд») той осенью осторожно спросил отца Авраама: «Как Вы считаете, могут ли бороться с наркотиками люди, которых подозревают в связи с криминальным миром?» Батюшка ответил просто: «Они не могут. Они обязаны».

* Дима Карасюк в те годы - пресс-секретарь ОПС «Уралмаш», Алексеич - Александр Хабаров, Викторovich - Сергей Воробьев.

Той осенью в ФСБ потянулись первые менты, которых мы обозначили в своих передачах. Пополз тихий шепоток. Передел рынка! Такое могли придумать только менты, которые с этого рынка кормились и поняли, что скоро его не будет. Фээсбэшники улыбались.

Мне лень доказывать очевидное, но сегодня, в 2004 году, в нашем городе про передел рынка могут говорить только дебилы.

ТАК ВОТ, ОБРАЩАЮСЬ КО ВСЕМ ДЕБИЛАМ, ЧТОБЫ БОЛЬШЕ К ЭТОЙ ТЕМЕ УЖЕ НИКОГДА НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ. ДЛЯ МЕНЯ НАРКОТИКИ - ЭТО БОЛЬШАЯ КУЧА ГОВНА. ВЫ НЕ ОСЛЫШАЛИСЬ - БОЛЬШАЯ КУЧА НАСРАННОГО ГОВНА. МОЖЕТ БЫТЬ, ДЛЯ ДЕБИЛОВ ЭТО ЛАКОМЫЙ КУСОК. ОНИ МЕЧТАЮТ ЗАГРЕСТИ СЕБЕ ПОБОЛЬШЕ И БОЯТСЯ, ЧТО ЭТУ КУЧУ КТО-ТО СОБИРАЕТСЯ ПЕРЕДЕЛИТЬ. НЕ БЕСПОКОИТЕСЬ, ДЕБИЛЫ...

Через некоторое время на площади 1905 года мы собрали несколько тысяч человек. Это была уже не горстка безумных парней. К нам потянулось население. Первое, что мы сделали - назвали вещи своими именами: показал и барыг в лицо, назвали фамилии, пусть люди видят, кто убивает наших детей. Назвали тех, кто кормится с этого, назвали должности и звания. И наконец, общими усилиями мы сделали так, что у наркоторговцев земля загорелась под ногами. И барыги поняли, что в нашем городе жить спокойно им не дадут. Такого в России еще не было. Мы сделали это. Когда выйдет срок давности, я напишу об этом отдельную книгу.

В сентябре мы поставили пейджер-002 абонент «Без наркотиков», куда все люди могли сбрасывать сообщения о фактах наркоторговли, и сразу же продублировали его в ФСБ. Пейджер раскалился докрасна. Начальник ГУВД области генерал Красников сопротивлялся, как мог, врал и изворачивался, но пейджер не поставил. Вообще, менты всегда боялись этих сообщений как огня. Мы, время от времени, публиковали их в газете «Вечерние ведомости». Вообще, про наш пейджер можно написать еще одну книгу. У нас была программа, которая фиксировала сообщения о наркоторговле красным флажком и наносила на карту города. Весь город был утыкан флажками. Самое большое количество красных флажков было расположено вокруг ГОМов: Ленинского, Кировского и Чкаловского.

Однажды Женя Енин меня спросил в прямом эфире: «Вот вы боретесь с наркотиками, у вас получается. Почему же вас до сих пор не убили?» Я промолчал, потому что всегда избегал этой темы, а про себя подумал: «Мы то ладно. А вот ты, Женя, такие вопросы задаешь - и до сих пор живой. Удивительно».

Конечно, было страшно. Часто спрашивают, угрожали ли нам. Угрожали. Угрожали достаточно серьезно. Но всегда анонимно. На это мы никогда внимания не обращали.

Летом 1999 я начал готовить музей. Подходил я к нему долго. Иконы начал собирать еще с 1978 года, потом лишился первой коллекции икон, потом начал снова, потом издал альбом «Невьянская икона» и вдруг до меня дошло, что любая коллекция имеет смысл только тогда, когда ее люди видят. А хранить все собранное в сундуке под замком - это все равно, что ты в армии получил посылку и съел ее ночью тайком под одеялом, чавкая и хрюкая.

И вот я начал готовить музей. Анатолий Иванович Павлов дал мне помещение. Я никуда не торопился. Делал все основательно. И вдруг неожиданно сам для себя начал бороться с наркотиками. Осенью 1999 я заторопился. Я совершенно четко понимал, что меня вот-вот убьют. Я очень хотел успеть сделать этот музей.

Открылись мы 4 декабря. Музей получился. Я был очень счастлив и уже было стал забывать, что каждый день ждал смерти. Напомнили мне об этом совершенно мирные люди.

Реставраторы - удивительный народ. Я не перестаю им поражаться. Был у меня один знакомый Вова Кондюров. Реставрировал иконы для музея, много работал. Потом стал иконы задерживать месяцами. Приехал я к нему посмотреть. Смотрю, все мои иконы стоят в уголке у дивана, а он, высунув язык от старания, работает с совершенно неизвестными мне вещами. «Вова, - говорю я ему, - тебе что, работы мало?» - «Да нет, - говорит, - хватает». - «Вова, что тебе надо? Я ведь тебе плачу?» - «Нуда, - отвечает, - больше всех». - «И в музее, и во всех альбомах, которые мы выпускаем, везде подписано «реставратор В. Кондюров». Тебе приятно?» - «Приятно», - отвечает. «Так почему же ты берешь работу со стороны?» Молчит, только в носу ковыряет. И тут выплывает его жена Оксана и говорит: «Женя, все очень просто. Сегодня ты есть, а завтра... Что же мы тогда делать будем? А так пока все нормально, решили и других клиентов подтянуть». - «Спасибо, - говорю, - Оксана. Молодец».

Заехал к реставратору Пете Горнунгу, а он делает нам для музея художников Екатеринбургa замечательную картину конца XIX века оаботы художника Лаврова. Вижу, что-то хочет сказать, но стесняется Начал, как обычно, издаലെка. Я говорю: «Петь, что тебе нужно? Если тебе деньги нужны, ты скажи: мне нужны деньги». - «Да нет, понимаешь ли, мне звонили из Москвы, сказали, что грядет дефолт... » - «Петь,

короче, что ты хочешь?» Набрал полную грудь воздуха и говорит: «Я хочу получить деньги вперед». - «Петя, какие проблемы? Так бы и сказал». - «Да нет, ну понимаешь ли...»

Вечером ко мне пришли в гости Волович и Брусилковский. Виталий Михайлович подарил мне для будущего музея знаменитую скульптуру Эрнста Неизвестного «Пробивающий стену». Мне стало чуть легче. Мы пошли с Воловичем в библиотеку. Я ему говорю: «Виталий Михайлович, представляете, с того момента, как я начал серьезно бороться с наркотиками в нашем городе, некоторые художники и реставраторы пытаются с меня получить деньги вперед». - «Женя, - ответил вежливый Волович, - они просто переживают за Вашу жизнь». - «Нет, - говорю, - Виталий Михайлович, они переживают за свои деньги». Мы посмеялись и стали смотреть книжки.

В 2000 году нас с Варовым пригласили в ФСБ. «Парни, - говорят, - у вас очень серьезная ситуация. Был большой цыганский сходняк в Одессе. По вам было принято решение. Цыгане собрали деньги. Сюда должны приехать киллеры». - «Да в жизни, - отвечаю, - не поверю. Вы сами-то с цыганами когда-нибудь дело имели? Они способны только друг друга на свадьбах расстреливать из двустволок. Фигня это все». - «Нет, информация точная. На самом деле все серьезно. Вам надо написать заявление в УВД города. Пусть за вами поедят, посмотрят. Мало ли что». - «Да не, - говорю. - Цыган мы можем предупредить. Они не самоубийцы*. Они не полезут. А вот за милицию я не уверен. Там в УВД города такая банда подобралась. Расстреляют - а на цыган спишут. Давайте не будем информацию афишировать, а то воспользуются. Спасибо вам огромное, что предупредили. Не переживайте, как-нибудь справимся».

Потом меня снова озадачили. Мы узнали, что на Варова готовится покушение. Я подъехал в офис к одному очень серьезному человеку, который понимает в жизни гораздо больше меня. Собралось человек 10. Слушали меня очень внимательно. Спрашивают: «Женя, что ты хочешь?» Я говорю: «Ничего не хочу. За Игоря переживаю». Мне говорят: «Успокойся и не переживай. Если будут валить - то будут валить тебя». - «Почему?!» - «Потому», - отвечают. «Здорово, - говорю, - успокоили».

Конечно, было тревожно. Но ведь знали, на что идем. Страшно? Конечно, страшно. Но когда от наркотиков дети умирают - страшнее.

Прошло несколько лет. Много всего было за это время. Нам удавалось добиваться сноса цыганских домов. Мы задушили Ленинский цыганский поселок, основную житницу екатеринбургской милиции. Провели больше 1300 операций. Самые злые оптовики-цыгане семьями отправлялись за решетку. Игорь, Дюша и я в самых серьезных процессах по наркоторговцам выступали общественными обвинителями. Таджики выли. Азербайджанцы скулили. Цыгане плакали. Всех крупнейших наркоторговцев мы называли по именам. Мы никогда не прятали свои лица. Ходили по нашему городу пешком и без охраны. У меня на всех футболках и на курточке на спине было написано «Город без наркотиков. Ройзман». А у Дюши было написано «Кабанов». И НИ РАЗУ, ПОВТОРЯЮ, НИ РАЗУ МЫ НЕ ВСТРЕЧАЛИ СОПРОТИВЛЕНИЯ НАРКОТОРГОВЦЕВ! Но милиция сопротивлялась отчаянно.

Сначала нас пытались оболгать. Врали жителям про какой-то передел рынка. Запрещали снимать. Хотели разгромить Фонд, закрыть реабилитационный центр на Изоплите. Пытались опорочить саму идею. Посылали в Москву какие-то лживые бумаги. Всеми способами отстаивали наркоторговцев. И все время врали, врали, врали... Дурачки какие-то. Просто идиоты.

Было, конечно, очень тяжело. Когда мы начинали, вокруг нас было очень много народу. Самые разные люди. Наши друзья, компаньоны, сотрудники. Были и те, кто искал заработать денег, кто-то искренне хотел помочь. Кто-то смотрел, как движение можно использовать в политических целях. Несколько известных медиков мечтали с нашей помощью залезть на бюджетные деньги. В какой-то момент все понял и, что это - война. Стало по-настоящему страшно. Люди стали отходить. Просто реже появлялись, не принимали участия в ежедневной рутинной работе. У каждого был свой бизнес, своя семья. Да и нет никаких обид. Нельзя требовать от других то, что требуешь от себя. Говоря проще, то, что произошло, это было обычное народное восстание. И в восстании приняли участие все. Но потом началась война.

И вдруг мы увидели, что остались втроем, да еще Санников под следствием. Ощущение было изумительное. Все закрывали «Ура!», выскочили из окопа и побежали в атаку. Когда до вражеских позиций оставалось несколько шагов, мы вдруг увидели, что нас только трое и за нами никто не побежал... Конечно, никто нас не бросил, нам помогали все, друзей у нас было очень много и никуда они не делись, просто из окопа выскочили только мы и вся ответственность ложилась именно на нас троих.

* Когда у цыгана-наркоторговца Махмуда сгорел дом, а потом другой, он приехал на пожарище, взял у журналистов микрофон и как DJ устроил представление и достаточно живо комментировал происходящее. «Мы, цыгане, соберем 5000 человек! Мы всех порвем!» И еще всяко грозился и обзывался.

Утром к Дюше приехали за комментариями и говорят: «Там Махмуд Оглы вам угрожал». Дюша удивился и говорит: «Кто дал дебилу микрофон?»

В то время мы втроем скидывались по 2000 долларов в месяц. (В 2001 году У меня на Фонд уже уходило 5-6 тысяч долларов в месяц, а в 2002-03 гг.- 10-12тысяч долларов, причем львиная доля расходов - оперативная работа.) Дюше было тяжелее всех - это были почти все его деньги. Нам помогали многие. Вообще, я не помню ни одного случая, когда мы в городе обратились к кому-то за помощью и нам отказали. Но пока у нас были свои деньги, мы старались не обращаться. Когда мы уже всерьез развернулись и стали влиять на ситуацию, к нам потянулись ходоки. «Парни, а что, вам еще не надоело? Парни, да дались вам эти цыгане. Да долго ли вы продержитесь?» Одновременно искали какой-либо компромат на кого-нибудь из нас и просто слабые места. Когда менты уже точно поняли, что с нами договориться невозможно, они решили ударить по бизнесу. На Варова напал УБОП, вывернули наизнанку все его магазины, провели обыски, навозбудили уголовные дела, которые, как обычно, закончились ничем. Но потрепали бизнес и работу на какое-то время парализовали. Потом начальник ГУВД области Красников, видимо, нахватавшись звезд с неба, дал прямые указания ОБЭПу разгромить магазины «Ювелирного дома».

Обэповцы взялись за дело. Для начала они разгромили магазин на ж/д вокзале. Но рядом были два золотых магазина. По какой-то веселой случайности они перепутали двери, вошли в соседний магазин и просто казнили нашего конкурента. Не в силах остановиться, они нахлобучили коммерческую структуру АДМ 90 и кончили ее напрочь. Когда узнали, что это не мое, огорчились, по инерции проверили все магазины, ничего не нашли и сдулись. Красников топал ногами, визжал, ругался и ужасно сердился, но сделать ничего не мог. Сердит да не силен - так говну брат!

Чтобы не подставлять нашу коммерческую структуру, я полностью вышел из бизнеса. Мой компаньон Вадим Чуркин один вел все дела. Я переселился в Фонд.

Тут еще новая напасть. К нам пошли родители наркоманов. Когда мы еще сидели у Варова в офисе, по утрам зачастую было невозможно пробраться к кабинету. Стояли матушки, бабушки, унылые отцы. Все просили помощи. С ними разговаривал Дюша. Но мы тогда еще никого не брали*.

И вот в октябре Варов увидел в своем магазине «СВ 2000» упоротого наркомана*. «Хочешь бросить?» - спросил. «Хочу», - равнодушно ответил нарк. Варов привел его в подвал, купил всякой еды и прицепил наручниками. Через два дня в подвале было уже семь человек. Дюша был против. Он доказывал нам, что нас всех посадят. «А что делать?» - спрашивали мы с Варовым. Кстати, из тех семи, не колетса сейчас ни один.

Вообще, когда мы начали в конце лета 99-го, когда прошли первые акции в цыганских поселках и митинг, все наркологи отметили, что приток наркоманов в клиники увеличился в 4 раза. Но у нас пик пришелся на 2000-й год. Каждый день в Фонд на Белинского приходило 30, 40, а то и 50 человек и умоляли, чтобы мы спасли их детей. В то время у нас было уже 2 реабилитационных центра: на Изоплите и на Белоярке. Больше 150 человек туда втиснуть было невозможно. У нас создалась огромная очередь. В какой-то момент она доходила до 5000 (!) человек. Варов понимал, что мы не справляемся, делал отчаянные попытки вывести это все на федеральный уровень. Милицейское руководство над ним смеялось.

Еще летом 1999 года Дюша мне говорит: «Женька, пусть Игореха будет президентом». - «Да пусть, - говорю, - жалко что ли».

Игорь был всегда выбрит, подтянут, ходил в галстук, на пальце у него было кольцо с бриллиантом, на руке были часы Audemar Peuge. В отличие от нас с Дюшей Игорь был трудоголик. У него все было разложено по полочкам, петушки к петушкам, гребешки к гребешкам. Все ходы записаны. На боку у Игоря висел пистолет, к тому же он не расставался с сигарой.

Мы Игоря очень любили. Он часто повторял: «Нам противостоит система. Чтобы с ней бороться, мы должны создать свою систему». И создавал. Это именно он организовал работу с пейджером, сумел наладить получение информации со «Станции скорой помощи», из «Центра СПИДа» и показал, как систематизировать ее. Это он создал уникальную базу данных по наркоманам и задержанным. Это именно Игорь рискнул взять первого наркомана и прицепить его в своем подвале. Это Варов забрал с улицы Васю, вокруг которого мы ходили несколько лет и не знали, что с ним делать. Мы Варовым гордились. Работал он день и ночь. При этом еще умудрялся как-то контролировать свой достаточно серьезный бизнес.

У Игоря был только один недостаток - ему надо было руководить. Везде Всеми. Он должен был все контролировать сам. Он физически не мог

* Многие родители договаривались с ментами и устраивали своих детей в тюрьму по ст. 228 ч. 1. В этом случае ребенок получал шанс выжить. Когда он освобождался через 1 – 2 года, многих его друзей уже не было в живых.

* Антон Борисов кололся с 14 лет. Воровал. На него было возбуждено несколько уголовных дел. Я лично ездил в Верх-Исетский суд общественным защитником. Судья Павлов принял наше поручительство и дал Антону условный срок. Сейчас Антон не колетса уже пятый год, работает, поступил в институт, иногда появляется у нас.

согласиться с тем, что было сделано помимо него или не им. Такая позиция требует безоговорочного подчинения. Игорь потихонечку создавал свою небольшую спецслужбу. Ему доверили возглавлять оперативный штаб Межведомственной комиссии*. Он рос.

И все было бы хорошо, но в эту картину не вписывались мы с Дюшей. И если я для сохранения цельности организации пытался что-то не замечать, как-то сглаживать, то Дюша вообще не склонен был ни к каким компромиссам. Игорь следил, чтобы все называли его Игорем Германовичем. Дюша тут же прозвал его Гермогеном.

Игорь попытался нас подвести к тому, что руководить должен кто-то один. Он говорит: «Вы поймите, хозяин должен быть один». На что Дюша ему резонно отвечал: «Это общественная организация. Она не твоя личная. Она - наша. Над кем ты хочешь быть хозяином: надо мной или над Женькой? Иди вон к себе в магазин и будь хозяином!» - «Да вы не понимаете! - горячился Варов. - Решение должен принимать кто-то один». Дюша говорит: «Дома принимай решения. А здесь война идет, мы все жизнью рискуем, у нас у каждого семьи и дети, и мы не можем зависеть от твоих единоличных решений». Я, пытаюсь сгладить, говорю: «Игорь, решения надо принимать всем вместе». Варов говорит: «У машины один руль. Где это видано, чтобы рулили одновременно три человека? Рулить должен кто-то один!» Я даже не нашелся, что ответить, а Дюша говорит: «Иди домой и рули своей женой. А здесь такого не будет!» Игорь очень обиделся.

Надо сказать, что Игорю не давал покоя образ Гувера - создателя ФБР. Это один из немногих случаев в истории, когда сугубо штатский человек сумел создать такую могучую организацию. У Игоря были очень хорошие контакты в ФСБ. Он постоянно там бывал, и некоторые настроения ему задавались именно оттуда.

Однажды он повесил в своем кабинете портрет Дзержинского и был очень горд. А надо сказать, что мы все имели равный доступ к кабинетам друг друга и к любой информации, чему Игорь ужасно сопротивлялся. И этот портрет как назло попался Дюше на глаза. «Кто сюда повесил этого черта?» - завопил Дюша и попытался портрет сорвать. «А вот этого не трожь!» - взвыл Варов и бросился на защиту портрета. «Убери сейчас же этого демона!» - голосил Дюша. «Не сниму, - орал Варов, - это железный Феликс». Я даже не знал, как себя вести, потому, что, с одной стороны, Дюша был прав, а с другой стороны, мне не было никакой разницы, что у Варова висит на стенке. В конце концов Игорь портрет снял и куда-то бережно спрятал. До лучших времен.

Напряжение нарастало. И тем не менее надо отдать должное Дюше, в любом серьезном споре между нами он всегда мог отбросить все личные амбиции и сказать: «Игорь прав».

Однажды Дюша пришел с тренировки в Фонд. Заходит как обычно в кабинет к Варову, а у него там сидят какие-то люди. Варов, увидев Дюшу, застеснялся. Дюша говорит: «Игореха, это кто у тебя?» Варов говорит: «Познакомься, Дюша, это к нам приехали люди разговаривать о совместной деятельности из центра Рона Хаббарда». Дюша говорит: «Так это же саентологи!!! Пошли вон отсюда, черти. Игореха, выгоняй их. Это подонки!» Варов завопил: «Ты не имеешь права. Это мои гости!» Дюша орет: «Ну и тащи их тогда к себе домой». Варов заорал: «Это мой кабинет. Выйди из моего кабинета!» Дюша орет: «Сам иди отсюда». Саентологи не знают, куда бежать. Нормально, да, поговорить пришли? Тут звонит мне Дюша. Говорит: «Жека, прикинь, Гермоген назвал целый кабинет каких-то хаббардистов и сидит с ними чай пьет. Я их выгнал - «Правильно, - говорю, - сделал». Тут же звонит Варов. «Представляешь, - говорит, - я сижу, с людьми разговариваю. Тут залетает Дюша: пошли все вон отсюда! Отозвал бы меня, сказал бы на ухо, я бы их сам проводил».

Дня два они не разговаривали. Но тогда мне еще удавалось их мирить. Мы все были слишком разные. Когда у меня возникали конфликты с Игорем, я уходил в сторону, старался лишней раз не видаться и не разговаривать. Когда у Дюши возникали какие-то несогласия, он тут же шел на обострение. Дюша не мог терпеть никаких тайн, секретов, недоговоренностей. Трещина росла. Варов ездил жаловался в ФСБ, Дюша жаловался мне. В конце концов они уже просто терпеть не могли друг друга.

И вот в декабре 2001 года Игорь с Дюшей одновременно зашли ко мне в кабинет и начали громко друг на друга обзывать. Я уже не стал вмешиваться. Потом Варов пнул Дюшу по ноге, Дюша тут же радостно его треснул. Началась драка - никто не победил. Игорь с разбитой губой поехал в Сухой Лог на процесс по Маме Розе. Он очень обиделся, что я не вмешался.

Через несколько дней Игорь собрал все свои вещи, вывез мебель, ободрал с пола линолеум (это при том, что он человек совершенно не жадный) и гордо покинул Фонд. Он был искренне уверен, что без него мы захлебнемся. В офисе был траур. Мнения разделились.

* Межведомственная комиссия была очень действенным органом, пока Варов возглавлял оперативный штаб. Игорь не был чиновником, у него была задача не «делать», а «сделать». Милиция работу Межведомственной комиссии саботировала. Потом Варов ушел, и все затихло.

Часть людей он перетащил с собой. Мы балансировали. В этот момент Фонд мог развалиться*. С огромным трудом мы справились.

Я был вынужден стать президентом Фонда и мне ничего не оставалось, как поддерживать созданную Варовым систему. Кое в чем мне удалось ее даже усовершенствовать, но в целом я вынужден признать, что сегодняшнего Фонда без Игоря не получилось бы никогда.

С того дня и по сегодняшний мы ни разу его не видели и даже не разговаривали по телефону.

ИГОРЕХА, ПОЛЬЗУЯСЬ СЛУЧАЕМ, Я ХОЧУ ТЕБЕ СКАЗАТЬ: «ТЫ ОСТАЕШЬСЯ МОИМ ТОВАРИЩЕМ. Я НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ, СКОЛЬКО НАМ ВМЕСТЕ С ТОБОЙ ПРИШЛОСЬ ПЕРЕЖИТЬ. Я ИСКРЕННЕ БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ ЗА ТО, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ ФОНДА И ДЛЯ НАШЕГО ГОРОДА. Я ВСЕГДА БУДУ ТЕБЯ УВАЖАТЬ. ДЮША ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К МОИМ СЛОВАМ. НЕ ОБИЖАЙСЯ, ЕСЛИ ЧТО НЕ ТАК».

Кассета

У Игоря Варова была жена, которую он очень любил. И решил Игорь свои чувства зафиксировать. И зафиксировал. Ну что тут такого? Ну любит человек свою жену. И в какие-то моменты жизни ему интересно посмотреть на это со стороны. И вот эта кассета пропала: то ли менты на обыске украли, то ли сам кому-то случайно посмотреть дал.

Надо сказать, что когда начинался Фонд, Игорь был сориентирован на Александра Вараксина**. Очень ему доверял и называл уважительно Иваныч. Когда мы уже начали, Варов постоянно бывал у Вараксина и накручивал его. Говорит: «Саня, ну подключайтесь. Уралмашевцы уже с нами». Но Вараксин, будучи человеком осторожным, со всеми советовался и взвешивал «за» и «против». Потом он понял, что Варов начинает набирать вес. Вараксин забеспокоился и позвонил Варову. «Ну все, Игорь, посылай ко мне журналистов. Я согласен возглавить ваш Фонд. Я буду у вас президентом!» - «Э, минуточку, - сказал Варов. - У нас уже есть президент. Этот президент я». - «Ну что ж, - великодушно согласился Вараксин. - Ты будешь у меня замом». На это Варов пойти никак не мог, тем более что, под боком у него еще два таких несговорчивых типа, как я и Дюша.

Вараксин затаил обиду. Как-то вслух при свидетелях обронил: «Я могу его уничтожить». Потом поправился: «Не физически. Есть много разных способов уничтожить человека...»

Через некоторое время в офис к Варову прислали мешок. В мешке находилось 50 кассет. Игорь включил магнитофон - и побледнел. Потом взял наугад другую кассету - тоже самое. Игорь был вынужден все рассказать нам. С него попросили выкуп - 150 000 долларов.

Варов пошел на переговоры, очень грамотно потянул время, и мы сумели установить всех, кто участвовал в этом вымогательстве. Когда эти недоумки поняли, что денег никаких не будет, они сделали все, чтобы Варова приземлить. Игорь очень переживал, но вел себя так, как будто был сделан из железа.

Когда мы начали поддушивать Салимова, в Фонд позвонил начальник Чкаловского РУВД Шреер и говорит: «Игорь, мне надо кое-что тебе срочно передать». Игорь сразу же понял, о чем пойдет речь. Встретились на Фрунзе, 74. Подъезжают два родных брата: Шреер и Салимов. «Вот, - говорят, - Игорь, нам тут принесли кассету. Но мы смотреть не стали». Варов говорит: «А что не стали? Надо было посмотреть».

Поехали. Игорь спрашивает меня. «Видел, как они тонко?» - «Ага, - говорю, - изящно, по-конски». - «Что делать будем?» - спрашивает Игорь. - «Терпеть».

На следующий день прибегает один прибалтанный пацаненок, который крутился возле нас с самого начала, отзывает Дюшу и говорит: «Дюша, мне кассету дали про Варова. Сказали, чтобы я тебе передал, чтобы ты посмотрел». Дюша говорит: «Я в жизни это смотреть не буду. Иди отнести ее туда, где ты ее взял. Пусть они себе ее в жопу заколотят».

Потом подошел ко мне и говорит: «Женька, поговори с уралмашевскими. Наверняка им тоже эти кассеты давали». Я поехал к Хабарову и начинаю осторожно: «Саша, понимаешь, тут...» Хабаров посмотрел на меня и говорит: «Женя, не забивайте голову. Мы даже слушать про это не будем, не то что смотреть. Они к нам даже не сунутся с этими кассетами. Мы же не подлецы. А Игорю передай - пусть не переживает, ничего не случилось».

* С Игорем не ушли двое ключевых людей: сильный программист и компьютерщик Женя Генералов серьезный скромный парень Серега Щипачев, на котором держался огромный объем работы, в том числе аналитика, документы, видеоархив.
Александр Вараксин - серьезный предприниматель, собрал под себя остатки развалившейся империи Олега Вагина. Депутат городской Думы. Справедливости ради надо отметить, что Вараксин Фонду никогда не мешал.

Через некоторое время мы судились с начальником городского ОБНОН Глазыриным*. Глазырин подошел к Варову и говорит игриво:

«Ну, что, есть у меня одна кассетка. Посмотрел я её». Варов глянул на него сверху вниз и говорит: «Смотри не задрочись. Шалунишка...»

И отошел. Дюша услышав это, подошел к Глазырину и при большом скоплении народа говорит: «Слышишь ты, пес актерский. Ты-то куда лезешь к приличным людям? У тебя на работе кружка отдельная была, и все РУВД об этом знало». Глазырин испугался: «Ты откуда знаешь?» - «И не спрашивай, откуда мы знаем об этом. Об этом знают все». Глазырин заткнулся, потому что Дюша сказал правду.

А вообще с судом по Глазырину была целая история. И тоже с кассетой. Однажды к нам пришел Ширяев - начальник УССБ. Привел его из добрых побуждений Володя Никифоров - подполковник ФСБ. Ширяев зачем-то рассказал нам с Варовым, что у него есть кассета, где Глазырин торгует. Варов на первой же пресс-конференции, сославшись на Ширяева, поведал об этом всем журналистам. Глазырин обиделся и подал на нас в суд. Варов позвонил Ширяеву и говорит: «Тут на нас Глазырин в суд подал. Дайте нам кассету». Ширяев говорит: «Не дам». Варов его спрашивает: «Ну кассета у вас есть эта, где Глазырин торгует?» - «Есть, - говорит Ширяев, - но вам я ее не дам». - «А если вас в суд вызовут, вы скажете, что у вас эта кассета есть?» - «А в суде я скажу, что нету у меня никакой кассеты». - «Ну ладно, Бог вам судья», - говорит Варов и кладет трубку.

И вот идет суд. Вызывают свидетеля Ширяева. Заходит полковник милиции. Его предупреждают об ответственности за дачу ложных показаний и спрашивают: «Вы говорили Варову, что Глазырин торгует?» - «Никогда». - «А нет у вас такой кассеты?» - «Нет, и не было никогда», - гордо и с достоинством отвечает Ширяев. «Минуточку, - встает с места Варов. - У меня все ходы записаны. Прошу уважаемый суд прослушать кассету». Оказывается, осторожный Варов записал все эти разговоры. Суд удалился в кабинет. Поставили кассету. Через 30 секунд из кабинета судьи вылетел пунцовый Ширяев и, налетая на стенки коридора, как выпущенный из рук надутый, но не завязанный воздушный шарик, скрылся в неизвестном направлении. Полковник милиции, офицер - лаун, обманщик и трус. Впрочем, это не помешало судье Грин слупить с Варова в пользу Глазырина 5000 рублей.

А кассета, оказывается, действительно у Ширяева была. Там было записано, как Глазырин торговал со своей женой на рынке. У той был контейнер, и Глазырин, в то время майор милиции, помогал ей продавать какие-то макаронеры и колготки. В общем-то, ничего страшного.

А к судье Грин мы попадали еще не раз. К нам она всегда была несправедлива. Зовут-то ее как-то сухо - Екатерина Генриховна.

Через некоторое время до нас дошел слух, что эту кассету хотят распространять через ларьки. Игорь заперезживал. Я ему говорю: «Игореха, фигня делов». - «Да как фигня, если весь город будет смотреть эту кассету!» - «Игорь, ну что такого! Ну любит человек свою жену. Любит изо всей силы. Кассету посмотрят все. Ты станешь секс-символом, тебе надо будет выставиться на мэра, весь город проголосует за тебя. Ну женщины-то точно». Варов улыбнулся и говорит: «Устал я. Забрать жену, да в Сочи что ли поехать?» - «А чем займешься?» - спрашиваю. «Запишу продолжение. «Варов-2». Я говорю: «Ну-ну, потом запиши еще «Игорь Варов возвращается», а потом «И снова Варов!»»

Мы посмеялись и забыли эту досадную историю.

Игорь ушел 26 декабря 2001 года. Кончилась целая эпоха. С начала Фонда прошло всего два с небольшим года, но за это время произошло столько событий, что восстановить это уже невозможно. К тому времени мы провели 270 операций. Уже сидели менты-наркоторговцы Семенюк, Гирфанов, Кологойда. Нам удалось упаковать торговавших больше чем по 10 лет цыганских наркобаронесс: Розу Бардинову (Мама Роза), Таньку Морозовскую, Зою Цибульскую, Тому Николаеву. Уже мы снесли несколько цыганских особняков. Полностью задушили цыганский поселок и бесчисленных Оглы. Сломали все «винтовые» схемы. Да и не перечислить всего, что было к тому времени сделано.

С 2002 года, когда мне пришлось возглавить Фонд, мы завели ежедневник и стали основные события фиксировать. Каждый месяц мы составляли отчет о проделанной работе. Всего было написано 19 бюллетеней. Первые были сухими, а потом я стал писать то, что считаю нужным, не отказывая себе в удовольствии называть вещи своими именами.

Вот, в общем-то, и все.

* Глазырин - самый бездарный руководитель отдела по борьбе с наркотиками. Руководство УВД города это устроивало. Когда уже не знали, куда его деть, Глазырина отправили начальником Чкаловского ГОМ, который Глазырин через некоторое время благополучно развалил.

Торговля идет хорошо. Цыган танцует.

**Торговля в цыганском поселке.
Толпы наркоманов.**

1

1. У Варова в офисе. Сентябрь 1999г.

2. Мы у Любимова во "Взгляде".

3. Дюша с Евгением Ениным в "Стенде".

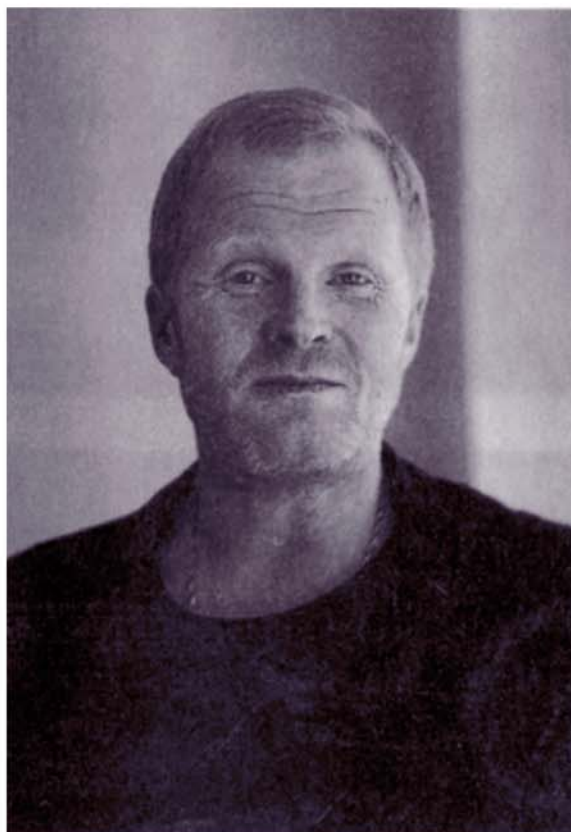
4. Андрей Кабанов

2

3

4

1. Евгений Ройзман. Шашку нам подарили. На серебряной табличке надпись "За честь и достоинство. От офицеров и генералов Российской Армии".

2. Игорь Варов и Дюшин сынок Вовка.

3. Андрей Санников.

1

3

1

1. Стояние в цыганском поселке.

2. Люди вышли на улицы.

3

3. Осень 1999 года. Дюша предупреждает цыган. Цыганский барон дядя Коля Решетников клянется, что они не торгуют.

2

Митинг на площади 1905 года.

Благотворительный фонд

Город без наркотиков

Бюллетени

БЮЛЛЕТЕНЬ 1

СТАТИСТИКА

Показатель	Январь 2001	Январь 2002
Передозировки у детей	6	1
Передозировки у взрослых	202	18
Смертельные случаи	10	4

Данные предоставлены МУ «Станция скорой медицинской помощи».

Количество официально зарегистрированных ВИЧ-инфицированных в Екатеринбурге за январь 2002 года составляет 207 человек. Всего на данный момент в нашем городе зарегистрировано 4866 больных ВИЧ-инфекцией. Хотелось бы отметить, что второе место все так же занимает Первоуральск (968 ВИЧ-инфицированных).

За январь месяц на пейджер Фонда (абонент «Без наркотиков») пришло 342 сообщения, где указаны адреса, фамилии наркоторговцев. По всем сообщениям проводится проверка.

О передозировках мы знаем не понаслышке. Мне самому приходилось откачивать умерших вонючих подонков. А когда мы начинали, Андрей Санников договорился со «скорой помощью». Он решил просто сутки с ними подежурить. За те сутки было 40 вызовов на передозировки. «Скорая» гоняла по городу как очумелая. Картина везде одна: парень или девочка, лицо иссиня-черное - цвета спелой сливы, изо рта пена. Рядом стоит мать и воеет в потолок. Ребенок умирает на глазах неизвестно от чего и помочь ему невозможно. Она не понимает, что происходит. Зато младший брат или сестра, которые крутятся поблизости, понимают все.

Обычный вызов, один из 40. Обычная передозировка, обычный парень, 19 лет. Закрылся, набрал полную ванну воды, улегся, уперлся и «отъехал». Вода полилась через край. Прибежали соседи. Мать с 9-летним племянником выломала дверь, с трудом выволокла сына из ванны, вызвала «скорую». На бесчувственного Лешу натянули трусы и от отчаяния пытались отпаивать молоком. Леша умер. Примчалась «скорая». Все поняли сразу. Мать металась от одного врача к другому: «Скажите, что случилось?» Ей никто не отвечал. Тогда к Андрею Санникову подошел 9-летний племянник, дернул его за рукав: «А я знаю, что случилось. Дядя Леша - наркоман. У него передоз».

Когда наркоман не рассчитал дозу («пожадничал») и умирает («отъезжает»), друзья начинают его просто бить: хлестать по щекам, пинать ногами. Если задышал - значит выжил. Если сдох - выносят в подъезд или на улицу*.

ОПЕРАЦИИ

В январе оперативники Фонда совместно с сотрудниками милиции провели более 50 успешных операций по задержанию лиц, занимающихся наркоторговлей. В январе прошлого года таких операций было проведено всего 7, т. е. в этом году количество операций возросло более чем в 7 раз. На конец прошлого года пришлось 17 операций в ноябре и 18 в декабре.

Стоит отметить, что если в январе прошлого года все осуществлялось совместно с ОБНОН Верх-Исетского РУВД, то в этом году работали также с ОБНОН Ленинского (с которым было проведено наибольшее количество операций - 21), Кировского, Орджоникиджевского и Железнодорожного РУВД, а также УБНОН. Также стоит отметить, что ОБНОН Чкаловского РУВД не фигурирует ни в одной операции, а ОБНОН Верх-Исетского РУВД, который активно сотрудничал с Фондом в прошлом году, в этом месяце несколько раз отказывал в проведении операций.

О результатах оперативной работы Фонда говорят анкеты, на вопросы которых отвечали наркоманы, находящиеся в реабилитационном центре Фонда. 96 % опрошенных заявили, что ситуация в городе очень сильно изменилась - стало гораздо сложнее купить наркотики, много наркоточек закрыли, многих наркоторговцев посадили. Также стало гораздо труднее купить первитин, более известный как «винт».

* Инфарктника откачать стоит приблизительно столько же, сколько откачать наркомана. Причем зачастую вызова к наркоманам оказываются первоочередными. «Скорая» не может разорваться, и бывают ситуации, когда вместо того, чтобы ехать к фронтовику, ветерану, к нашим бабушкам и дедушкам, бригада едет откачивать подлого наркомана, который, придя в себя, украдет, что осталось у родителей, или ограбит кого-нибудь и снова упорется.

Наша стандартная формулировка: «В ходе совместной операции...» Операция описывается как совместная, когда наши парни на нашей машине с нашими закупочными деньгами приезжают в какой-либо из райотделов и говорят операм: «Мужики, есть работа. Можем закупиться там-то и там-то. Закупщик сидит в машине». И если им удастся договориться с милицией, закупка состоялась, барыга арестован, то через некоторое время в прессу выходит сообщение: «В ходе совместной операции Фонда «Город без наркотиков» и такого-то райотдела задержаны такие-то, изъято столько-то».

Если к нам обратились из УБНОН или ОРБ СУВДТ, попросили помочь и все получилось, то формулировка для прессы следующая: «Нам довелось поучаствовать в операции ОРБ СУВДТ или УБНОН».

Если же мы просто передали информацию и какая-то структура по этой информации сработала, то мы свое участие, как правило, не обозначаем. Например, в свое время мы получили информацию, что на рынок «Таганский ряд» из Худжента пойдет три автобуса с героином. Варов передал информацию в ФСБ.

Фээсбэшники эти автобусы хлопнули в Челябинской области. Изъяли более 120 кг. Или ОРБ СУВДТ задержали в Челябинске полублатного Тухояна с 9 кг гашиша и вдогонку провели несколько крупных задержаний в Москве и Питере. Информацию тоже давали мы. Но операции проводились без нас, поэтому мы себя нигде не обозначали. Нам чужого не надо.

Но когда ОРБ СУВДТ и ФСБ Мурманска и Екатеринбурга провели блестящую разработку и задержали цыгана Мишу Николаева (Лаврентьича) с 3,2 кг героина, и прокуратура по непонятным причинам выпустила «Лаврентьича» под залог, Лаврентьич собирался убежать в Казахстан. Опера обратилась к нам за помощью. Мы потратили сутки - и Лаврентьича поймали. В этом случае мы пишем - «приняли участие в операции». Справедливо?

СУДЫ

Ст. 228 ч. 4- сбыт наркотиков в особо крупных размерах, предусматривает наказание от 7 до 15 лет лишения свободы. Причем для героина особо крупный размер - 0,05 г.

Менты не раз пытались нас обвинить, что мы гоняемся только за мелкими наркоторговцами. Это, конечно, полное вранье. Мы умудрялись добывать совершенно непотопляемых барыг, которые торговали в нашем городе по 10 и более лет, и милиция за ними просто не гонялась. К тому же деление наркоторговцев на крупных и мелких - совершенно неправомерное. Людоед он и есть людоед. Большой или маленький. К тому же если наркоторговец получил свой срок за 0,1 г, то это совсем не значит, что он сидит за 0,1. Он просто на этом попался. Нелишним будет напомнить, что Мама Роза, торговавшая более 10 лет и продававшая за неделю по 10 кг героина в розницу, сидит именно за 0,1. Петыра, получавший раз в неделю с Бишкекского поезда по 5-6 кг, сидит за 3 г. А Морозовская, торговавшая с 1986 по 2001 год и отправившая на тот свет сотни детей, сидит за какие-то тысячные доли грамма.

И напротив, мы знаем множество случаев изъятия гигантских весов, за которые не сидит ни один человек. Особое искусство в этом проявили два мента-подонка: Назир Салимое и Миша Иванов.

А что касается бегунков, которых некоторые судьи пытаются пожалеть (например, председатель Областного суда И. К. Овчарук на коллегии у полпреда Президента сказал буквально следующее:

«Эти бедные мальчишки и девчонки...»), то о них отдельный разговор. Чтобы было понятно, вся розничная торговля держится именно на «бегунках». Например, бегунок Аня Шуликова по кличке Кабан получала в день на пейджер до 200 сообщений и развозила цыганский героин каждую минуту. Занималась этим несколько лет. Это был ее образ жизни. В месяц она распахивала несколько килограмм. Сколько она принесла горя, сколько погубила народу – остается только догадываться. Только в марте 2001 года прямо в ее подъезде от этого героина умерли два человека. Мы ее приделали. Она получила 7 лет. Что, жалко вам Аню? И таких примеров - тысячи.

Александрова

В январе в судах города Екатеринбурга состоялось более 20 слушаний уголовных дел по наркоторговцам, обвиняемым по ст. 228 ч. 4 УК РФ. Одним из наиболее значительных было судебное заседание по обвинению Т. Н. Николаевой, где в качестве общественных обвинителей выступили президент и вице-президент Фонда. Возвращаясь еще раз к этому слушанию, хотелось бы отметить, что в ходе заседания прокурор попросила! 7 лет, в то

время как президент Фонда Евгений Ройзман настаивал на 12 годах. В итоге Т. Н. Николаевой дали только 6 лет общего режима с конфискацией, что даже меньше возможного предела.

Пятеро наркоторговцев (Маракулин, Исмаилов, Мацкевич, Николаева, Александрова) были задержаны в ходе совместных операций милиции с Фондом. Самый большой срок получил Маракулин (бегунок Ромы Маленковича по кличке Бармен), который был задержан ОБНОН Верх-Исетского РУВД совместно с Фондом, - 11,3 года лишения свободы с отбыванием в ИТК общего режима с конфискацией имущества. Кроме этого на многие суды силами Фонда доставлялись свидетели и на 10 процессов был предоставлен переводчик Фонда с таджикского языка. В течение всего месяца оказывалось активное содействие и судам, и следствию.

АНКЕТИРОВАНИЕ

В январе в Фонде было проведено анкетирование. Были опрошены наркоманы, находившиеся в реабилитационных центрах Фонда на Изоплите и Белоярке. Таков портрет среднестатистического наркомана:

1. Средний возраст наркомана-мужчины: 22,4 года.
2. Впервые употребили наркотики в возрасте до 17 лет: марихуана - 98 %; героин - 2 %. *Практически все опрошенные впервые попробовали марихуану, не считая ее за наркотик. Покурив марихуану некоторое время, все они перешли на героин и «винт». Таким образом, марихуана оказалась одним из очень коварных наркотиков.*
3. Средний стаж употребления наркотиков: 3,6 года.
4. Регулярно употребляли (в Екатеринбурге): героин - 64,3 %; первитин («винт») - 35,7 % *(некоторые первитиновые наркоманы одновременно употребляют героин и «винт», так называемые «качели»).*
5. Средняя суточная доза:
героин-0,8 г;
первитин -2 мл.
6. Средняя цена наркотиков (по Екатеринбургу):
героин - 623 руб/г *(Практически все наркоманы сегодня берут «весом». Летом 2000 года в Екатеринбурге «весом» можно было взять по 250 рублей. Сегодня самый дешевый героин можно найти в Чкаловском районе по 400 рублей. В некоторых районах города цена доходит до 1200- 1500 рублей.);*
первитин - 200 - 250 руб/мл *(За последнее время в ходе совместных операций Фонда и милиции задержаны многие крупные наркоторговцы и варщики «винта». Тем не менее «винт» как наркотик представляет очень серьезную угрозу.)*

Где брал деньги на наркотики:
воровал, грабил, обманывал -95 %;
приторговывал наркотиками - 5 % *(На самом деле каждый наркоман - потенциальный торговец наркотиками.)*

Таким образом, среднестатистический героиновый наркоман-мужчина в Екатеринбурге в среднем тратит на наркотики в день 525,25 рубля. Соответственно в месяц он тратит 15 757 рублей, а в год- 191 716 рублей.

Во время проведения операции в Фонд попал один подлый парк. Санников решил поговорить с ним. «Сколько ты колешь?» - «Когда как, - отвечает, - смотря сколько денег». - «А деньги где берешь?» - «Бртырву», - потупился нарк. «Говори внятно», - попросил Андрей. «Береты рву». - «Как это?» - удивился Санников.

И нарк легко рассказал. В ту зиму у нас случилась мода на норковые береты. И вот по утрам (в половине восьмого, без двадцати восемь) эта скотина выходила на перекресток Восточной - Первомайской возле 37-й гимназии и в утренних сумерках срывала береты с женщин, которые вели в садик или в школу своих малышек. «Рвал» по 2-3 берета в день. Выбирал женщин с маленькими детьми сознательно - знал, что они детей в этих сумерках не бросят и за ним не побегут. Занимался он этим каждое утро, два месяца (!) подряд.

А потом он «переехал» на Советскую - Уральскую, к овощному магазину. Здесь грабил только пожилых женщин. Знаете, многие пожилые люди, выходя из магазина, кладут деньги не в карман, а в кошелку... Обычная такая кошелка, бывает, что ручки изолентой перемонтаны. Он бил этих женщин, кошелки вырывал, забирал деньги, а кошелку с продуктами

выкидывал. Делал он это почти год, день за днем. Именно на углу Советской - Уральской. Было это в 98/99 году.

Вы, наверное, спросите, чем в это время занималась Кировская милиция? О некоторых мы знаем. Начальник Кировского ОБНОН Олег Довгаль торговал наркотиками в огромных количествах прямо из кабинета. Другой начальник Кировского ОБНОН Соболев торговал наркотиками на территории, создал целую сеть, убивал людей. Старший опер Кировского ГОМ Семенюк торговал наркотиками из собственных офицерских ручек. Пэпээсник Зубаиров торговал наркотиками на улицах Советской, Уральской, в пер. Курьинском. Старший следователь Кировского РУВД Султангулов принимал заказы на убийства и за деньги закрывал уголовные дела на наркоторговцев... * А чем занимались остальные сотрудники Кировского РУВД-мы даже и не знаем. Чем-то занимались, наверное.

А был еще один подонок, совсем безобидный. Каждый день он вытаскивал из машин 2-3 панельки от магнитофона. Каждый день. На протяжении нескольких лет. Продавал их на Вайнера и в магазин «Радиотовары» на Первомайской. Ни разу не попался. Им даже никто не интересовался. Вы спросите, где была милиция?! В двухстах метрах, рядом на Толмачева...

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В декабре 2001 года Институтом социологических исследований было проведено исследование в трех районах Екатеринбурга (Верх-Исетском, Ленинском и Октябрьском). Результаты опроса свидетельствуют о положительном отношении жителей Екатеринбурга к Фонду «Город без наркотиков»:

полностью поддерживают и одобряют работу Фонда - 55,7 %;

считают, что Фонд не на словах, а на деле ведет борьбу с наркоманией и добивается реальных результатов - 65,8 %;

видят главную заслугу Фонда в том, что он привлек внимание к проблеме борьбы с наркоманией - 80,5 %.

Категорически против деятельности Фонда высказались только 1,9 % (это, скорее всего, люди, сами причастные к наркоторговле или замороченные рассказами о «криминальной» деятельности Фонда).

ПЕРЕПИСКА

В этом месяце был написан ряд жалоб.
Начальнику Ленинского РУВД Романову С. Г.:

Тамара Николаевна

1) Сотрудники ОБНОН Ленинского РУВД отпустили задержанную Оглы Р. М. по кличке Анжела, у которой были найдены меченые деньги;

2) цыганская семья Андрея и Галины Оглы вновь была отпущена на свободу сотрудниками ОБНОН Ленинского РУВД.

Начальнику инспекции государственного архитектурно-строительного надзора администрации г. Екатеринбурга И. Н. Павлюку направлены 3 жалобы по цыганским поселкам: Нижнеисетскому, на Вторчермете и Уктусе (все находятся на территории Чкаловского района). Общий объем жалоб составляет 112 листов.

В окружную прокуратуру направлена кассационная жалоба по делу Тамары Николаевны, которую судья Воронов при участии помощника прокурора Люберцевой приговорил к 6 годам лишения свободы с отбыванием в ИТК общего режима, что вызвало недоумение у всех, кто знаком с Уголовным кодексом и с деяниями наркоторговки Николаевны. Материалы по этому делу были отправлены на ОРТ. Окружная прокуратура принесла протест на этот приговор.

В генеральную прокуратуру в УРФО заместителю генерального прокурора государственному советнику юстиции 1-го класса Золотову Ю. М.:

1) жалоба на действия судьи Воронова и помощника прокурора Люберцевой;

2) жалоба на действия старшего следователя СУ Ленинского РУВД Галины Шимко.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЛАСТИ

8 января прошла встреча президента Фонда Евгения Ройзмана с С. И. Спектором. Было

решено, что Фонд будет участвовать в работе Межведомственной комиссии по противодействию злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту.

10 января состоялась встреча с заместителем начальника управления Окружной прокуратуры по делу А. Н. Гурбенко, обвиняемой по ст. 228 ч. 4. Дело взято под контроль.

А. Н. Гурбенко, известная как Аска, проживает по адресу ул. Газетная, д. 57 (сообщение с пейджера, абонент «Без наркотиков»).

07/16/2001 10:40:27

ПРИТОН ПО УЛ. ГАЗЕТНОЙ, 57. ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ТАМ ЖИВУТ, НЕ ОТКРЫВАЮТ ДВЕРЬ. У НИХ ГДЕ-ТО ЕСТЬ ЛАЗЕЙКА. ПОЗВОНЯТ, ЧЕРЕЗ ДВЕРИ ГОВОРЯТ. ПОТОМ ГДЕ-ТО СУНУТ.

Торговала наркотиками на протяжении длительного времени. Летом 2001 года у нее нашли примерно 10 - 15 г героина. Была задержана на трое суток, а после - отпущена под залог. Аска общалась с цыганкой Зоей Цибульской, которая проживает по адресу ул. Латышская, д. 43, и была задержана 21.12.01 в результате совместной операции Фонда и сотрудников милиции. Раньше эти цыгане торговали анашой, а также муж Зои - Леша и ее родной брат Вася привозили из Казахстана «ханку», а Аска и другие цыганки эти наркотики реализовывали в Верхней Пышме. Когда в Верхней Пышме запретили торговать, они продали там дома и переехали в Екатеринбург на Вторчермет.

Дела по Г. Ю. Коптелову и Андрею и Галине Оглы также будут под контролем Окружной прокуратуры.

23 декабря 2001 года у Коптелова была произведена проверочная закупка 6 г героина на сумму 2100 рублей. После он сразу же был задержан сотрудниками ГИБДД совместно с ОБНОН Ленинского РУВД и Фондом «Город без наркотиков» видел, как муж прикрывал свою жену, когда та глотала героин - 3 грамма, вместе с упаковкой. После они были отпущены на свободу по непонятным причинам.

Андрей Оглы

Галина Оглы

Зоя Цибульская

15 января представители Фонда встречались с губернатором Свердловской области Э. Э. Росселем и рассказали ему о проделанной Фондом работе, о кадровых перестановках.

А 22 января результаты анкетирования наркоманов из реабилитационных центров Фонда были отправлены губернатору Свердловской области Э. Э. Росселю и председателю Совета общественной безопасности Свердловской области Г. И. Воронову.

Предпринимателем Анатолием Ивановичем Павловым была оказана материальная помощь Фонду.

Фонду было сделано множество предложений от различных политических сил участвовать в выборах в областную Думу. Фонд решил не принимать участия в политической деятельности.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

На данный момент в реабилитационных центрах Фонда находятся 122 наркомана. В конце декабря состоялся очередной выпуск: годичный курс реабилитации закончили еще 10 человек. В течение января в Фонд обратились около 30 родителей с просьбой устроить на реабилитацию детей, употребляющих наркотики. Приняли 18 человек. Всего же за различными консультациями Фонд в течение января посетили около 300 человек.

Кроме того, Фонд ежедневно посещают наркоманы, которые ходят на тестирование. В среднем отмечаться приходит 16 человек.

ФИЛИАЛЫ ФОНДА

На сегодня в области работают филиалы Фонда. Первым открылся филиал в поселке Рефтинском, где *в настоящий момент практически не торгуют наркотиками - наркоманы уехали в Асбест*. Затем открылся филиал в Арамиле, который работает также в Сысерти. *Сейчас в Арамиле наркотиками не торгуют, и многие бросают колотья*. Был открыт филиал в Новоуральске, и *на сегодня там нет ни одной наркоточки - наркоманы ездят за наркотиками в Первоуральск и Кировград*. Алапаевский филиал установил хорошие взаимоотношения с прокуратурой и администрацией города. Закрыв практически всю наркоторговлю на территории Алапаевска - *наркоманы поехали в Реж*. Своими силами восстановлен заброшенный пионерский лагерь, где создан реабилитационный центр. Также имеется реабилитационный центр в Туринском филиале. Успешно действует Качканарский филиал. Создан филиал в Лесном и в Нижней Туре.

«...Как слово наше отзовется»

В 2000 году сидим с Дюшей в Фонде, разговариваем. Звонят с охраны: «К вам ребята какие-то приехали из Рефтинского». - «Ну, пусть поднимаются».

Заходят несколько человек. Такие сосредоточенные интеллигентные парни. «Что, парни, с чем приехали?» - спрашивает Дюша. «Беда у нас с наркотиками». - «У всех беда. Рассказывайте». - «У нас 24 000 жителей. Крупнейшая ГРЭС, крупнейшая птицефабрика, поселок богатый. Половина молодежи - наркоманы. Помогите!» Дюша говорит: «А что вам помогать-то? Привлекайте людей, поднимайте матерей. Сами справитесь. Много у вас торгуют?» Парни говорят: «На каждом углу. Везут из Асбеста. Торгуют даже там, где мэр сидит - прямо над его кабинетом». - «А что, менты не знают, где торгуют?» - «Знают, но им пофиг». - «Но вам-то не пофиг?» - «Нет, мы поэтому и приехали». - «А много там барыг у вас в поселке?» - «Основных человек 10». - «Ну и шмякните их всех». - «Как?» - «Да вот так, возьмите палки - и перебейте! Или бздите?» - «Да нет». Парни посмотрели друг на друга, попрощались и вышли.

Приезжают через 3 дня. Довольные. «Все, - говорят, - у нас больше в поселке не торгуют». - «Как?» - спрашиваем. «Да так, мы их треснули». - «Как треснули?» - «Ну, как вы сказали: взяли палки - и перебили!» Мы с Дюшей переглянулись: ни фига себе, думаем, ожгли глаголом!

Оказывается, парни не стали долго ломать голову. Вернувшись в родной поселок, объехали всех наркоторговцев и предложили им собраться на стадионе обсудить положение. Все барыги были уверены, что им предложат «крышу» и попросят за это деньги. Приехали на стадион на нескольких машинах, бодрые и вальяжные. Разговаривать с барыгами никто не стал - их просто стали бить. Перебив и бросив там же на стадионе, объехали тех, кто помельче, и очень жестко

предупредили. На следующий день перебили тех, до кого не дошло. А как хотели-то? Милиция вмешиваться не стала.

С этого дня в Рефтинском несколько лет наркотиками не торговали. Поселок показали во «Взгляде» на всю страну. Ребят в поселке зауважали.

Уже позднее к этому делу примешалась политика. Возник конфликт с милицией. Парни совершили несколько ошибок. Начались проблемы. Но как бы то ни было, они сделали это, и многие жители всегда будут вспоминать их с благодарностью. Да и перед своими детьми им никогда не будет стыдно.

Можно резюмировать, что в последнее время эффективность работы Фонда возросла. Налаживается совместная деятельность с милицией, с ОБНОН, в окружную прокуратуру регулярно предоставляется информация по самым серьезным делам, и окружная прокуратура берет эти дела под свой контроль.

По наблюдениям Фонда торговля наркотиками в Екатеринбурге проводится уже не столь открыто, наркотики очень трудно купить.

В городах области открываются филиалы Фонда и проводятся решительные действия против наркоторговцев.

Кроме непосредственной работы по пресечению наркоторговли, ведется активная профилактическая и просветительская работа, которая дает реальные результаты.

Благодарим за поддержку!

С уважением Фонд «Город без наркотиков».

Меня зовут Саша. Я с друзьями со своими кололся, таскался по подъездам, нас было 3 человека. В Один прекрасный день они отъезжают, а я остаюсь. Пришлось одново их откачивать никого рядом небыло. Я откачивал обоих 20 минут до приезда скорой.

Чтобы укалоться мы варовали грабили пьяных мужиков, избивали железными трубами, чтобы забрать 600-700 рублей на грам гироина.

Выхватывали сумки у баб, срывали цыпочки, сирежки и забирали штобы пойти уколотся.

Моя знакомая девченка пошла за парашком, ее наркоманы выглядели и для тово чтоб забрать гираин они ее в подъезде убили и забрали гироин.

Видел что насмерть отежал человек с ним была девчонка, но она тоже была в невменяемом состоянии. Пока бегал за скорой она зоглатила язык и скончалась!!!

Женя 15 лет. Я жил на улице, бродяжничал, попрошайничал, это очень плохо жить на улице жикому не советую жить как я на улице особено без родителей. Некоторые нищие даже умерают на улице от голода холода их могут убить, кому они не нравятся. Некоторые нищие попадают в рабство к цыганям они их держат морят голодом могут продать на органы. У моего знакомого друга вырезали сердце, легкие и печень. Это было летом 1998 г. и очень было страшно не советую знакомиться с наркоманами, они могут чего нибуть натворить и все спереть на тебя. Пить это тоже плохо особенно зимой, можно уснуть и не